

На правах рукописи

Мона Елизавета Александровна

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ТЕРРОРИСТА
(ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕООБРАЩЕНИЙ ЧЛЕНОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ЗАПРЕЩЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово – 2019

Работа выполнена на кафедре переводоведения и лингвистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель:

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры переводоведения и лингвистики федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Кемеровский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Кошкарова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения
федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»;

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и
текстоведения федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский государственный педагогический
университет».

Защита состоится 20 декабря 2019 г. в 14:00 на заседании
диссертационного совета Д 212.088.01 на базе федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский
государственный университет» по адресу: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского
государственного университета и на сайте: <http://www.kemsu.ru>

Автореферат разослан « » октября 2019 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте
КемГУ:

<https://kemsu.ru/science/dissertation-councils/diss-212-088-01/protects/4123/>

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. В. Проскурина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На сегодняшний день использование экстремистскими группировками и террористическими организациями информационно-коммуникативных технологий является одной из наиболее социально значимых проблем мирового масштаба. Так, для продвижения своей идеологии боевики Исламского государства задействуют новейшие высокотехнологичные инструменты коммуникации, а также передовые маркетинговые стратегии, что позволяет им вызывать общественный резонанс путем манипуляции СМИ. Террористы выпускают листовки с угрожающим содержанием, используют аудио- и видеотехнику для записи обращений, которые размещают на порталах общего доступа, в связи с чем в «группу риска» попадают рядовые пользователи Интернет-среды. Этим обусловлена необходимость анализа видеообращений Исламского государства, а также социальная значимость предпринимаемого научного исследования.

Данное диссертационное исследование посвящено лингвоперсонологическому портретированию личности террориста, включающему создание речевого портрета спикера Исламского государства. Моделирование языковой личности террориста производится с учетом специфики вербальной репрезентации на всех уровнях языка, а также предполагает детальное изучение невербального сопровождения анализируемой речи.

Актуальность работы обусловлена научной и социокультурной значимостью анализа речевого поведения террориста (с учетом невербального аспекта) и заключается в обращенности к решению таких фундаментальных проблем языкознания, как «язык и личность» и «язык и социальная действительность», а также в разработке дискурсивных практик, расширении терминологического аппарата лингвоперсонологии и совершенствовании ее методов.

Объектом исследования выступает речевое поведение спикеров Исламского государства в видеообращениях, направленных на широкую аудиторию.

В качестве **предмета исследования** рассматриваются специфические особенности вербальной и невербальной организации речи террористов Исламского государства – разноуровневые языковые средства, а также кинесическое и проксемическое сопровождение речи, служащее реализации манипулятивного воздействия на сознание реципиента.

Цель настоящей работы – формирование модели языковой личности террориста на основании коллективного речевого портретирования спикеров Исламского государства и анализа специфики их невербального поведения.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- 1) дифференцировать понятия «языковая личность» и «речевой портрет»;
- 2) обозначить место языковой личности террориста в системе современных типологий;
- 3) определить понятие «террористический дискурс»;
- 4) охарактеризовать видеобращение террориста как специфическую форму коммуникации в рамках террористического дискурса;
- 5) рассмотреть семиотическую природу террористического дискурса с акцентом на использовании террористами современных ресурсов Интернет-коммуникации;
- 6) выявить и описать специфические вербальные и невербальные признаки, характерные для исследуемого типа языковой личности.

Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач применяются следующие **методы**: при отборе материала для проведения исследования – метод направленной выборки; при работе с языковым материалом – методы контекстного и дискурсивного анализа, а также метод корпусной лингвистики, предполагающий использование программного парсера; при формировании модели языковой личности террориста – лингвоперсонологический метод речевого портретирования, подразумевающий изучение совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на формирование отличительных черт, характеризующих языковую личность определенного типа.

Общая гипотеза исследования формулируется следующим образом: речевое поведение представителя Исламского государства в рамках видеобращения характеризуется наличием специфических черт, выявление и последующий анализ которых может служить основанием для формирования общей модели языковой личности террориста.

Научная новизна исследования заключается в создании и обосновании новой типологии языковых личностей, основанной на альтернативном понимании сущности этого феномена. В данной научной работе впервые формируется модель языковой личности террориста, базирующаяся на комбинации вербальных и невербальных особенностей, проявляющихся в видеобращениях спикеров Исламского государства.

Теоретическая значимость проводимого исследования заключается в разработке теоретических положений, способствующих развитию новой

концепции языковой личности с выделением типов («естественная» и «искусственная» языковая личность) и подтипов («субординационная» и «суррогатная» языковая личность), позволяющих отразить специфику языковой личности террориста при создании ее модели.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные в ходе анализа результаты могут быть применены при разработке механизмов противодействия террористической суггестии в медийной среде и киберпространстве. Материалы исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий по дискурсивной лингвистике, юрислингвистике и лингвоконфликтологии, а также практикумов по курсам, связанным с изучением теории коммуникации и стилистики звучащей речи.

Материалом для исследования послужили официальные видеообращения членов Исламского государства на английском языке, размещенные в сети Интернет. За единицу исследования принимается одно видеообращение. Общий объем выборки составил 13 единиц.

Теоретико-методологическую базу исследования составили научные труды отечественных лингвистов в области теории языковой личности, лингвоперсонологии, а также фонетического и речевого портретирования: Г. И. Богина, В. В. Виноградова, С. Г. Воркачева, Н. Д. Голева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. П. Конецкой, Л. П. Крысина, С. В. Леорды, Г. Г. Матвеевой, В. П. Нерознака, М. В. Панова, Н. В. Сайковой (Мельник), К. Ф. Седова, Е. Ф. Серебренниковой, О. Б. Сиротининой, В. Я. Труфановой, И. И. Халеевой.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковая личность террориста характеризуется следующими специфическими чертами, обуславливающими необходимость разработки новой типологии:

- обладание суррогатной шаблонной идеологической системой, внедренной в сознание посредством суггестивного воздействия со стороны террористической организации;

- неумение вести диалог с реципиентом по причине собственной ригидности;

- нацеленность на манипулятивное воздействие, способное оказать деструктивное влияние на сознание реципиента.

2. Террористический дискурс, понимаемый как совокупность созданных террористами устных и / или письменных текстов и обуславливающих их специфику экстралингвистических аспектов, является частным проявлением экстремистского дискурса, который, в свою очередь, входит в состав политического дискурса.

3. Специфика употребления и функционирования средств языковой выразительности в террористическом дискурсе обусловлена прагматической установкой спикера и его коммуникативной интенцией, заключающейся в оказании деструктивного манипулятивного воздействия на реципиента.

4. Ключевой характеристикой, обуславливающей специфику языковой личности террориста, является отнесенность индивида к конкретной общности – террористической организации. Иные экстралингвистические характеристики, к которым относится, в том числе национальная принадлежность («фактор носителя»), уходят на периферию.

Апробация работы. Основные положения и промежуточные результаты исследования были изложены в докладах на международных конференциях и симпозиумах:

- международная конференция «Речевое воздействие в политическом дискурсе», 1–3 декабря 2016 года (УрГПУ, г. Екатеринбург). Выступление с докладом «Синтаксические особенности организации звучащей речи террориста»;

- XIX международная конференция «Россия и Запад: диалог культур», 22–23 марта 2017 года (МГУ им. Ломоносова, г. Москва). Выступление с докладом «Речь заложника как косвенный способ выражения коммуникативной интенции спикера-террориста»;

- симпозиум «Филология, иностранные языки и медиакоммуникации», 27 апреля 2017 года (КемГУ, г. Кемерово). Выступление с докладом в секции «Современные парадигмы языкознания»;

- международная научная конференция по политической коммуникации «Один пояс – один путь. Лингвистические основы взаимопонимания», 16–21 октября 2017 года (УрГПУ, г. Екатеринбург). Выступление с докладом «Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видеообращениях ИГ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации)».

Структура работы. Данная диссертационная работа состоит из оглавления, введения, трех глав, заключения и списка использованных источников общим объемом в 156 единиц, включающего: список использованной литературы, список использованных словарей и справочников, а также список иллюстративного материала. Полный объем текста диссертации составляет 123 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор темы и ее актуальность, определяются цель, задачи, объект, предмет, материал и методы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава исследования «Концепция языковой личности в современной лингвистике» посвящена рассмотрению основ изучения феномена языковой личности в трудах зарубежных и отечественных ученых. В рамках данной главы дифференцируются понятия «языковая личность» и «речевой портрет». Особое внимание уделяется анализу существующих типологий языковых личностей и разработке новой типологии, способной отразить специфику языковой личности террориста.

Языковая личность является одним из центральных понятий современной лингвистики. Будучи объектом отдельной научной дисциплины – лингвоперсонологии, языковая личность рассматривается исследователями в рамках различных подходов: лингвокультурологического, лингводидактического, психолингвистического, социолингвистического и др. Изучение данного феномена на пересечении различных отраслей языкознания детерминировано его комплексностью и многогранностью.

В рамках данного исследования под языковой личностью, вслед за Ю. Н. Карауловым, понимается индивид, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов (устных или письменных) с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения специфического видения окружающей действительности и достижения определенных целей. Сущность языковой личности мыслится в реализации её коммуникативной способности.

В основе дифференциации понятий «языковая личность» и «речевая личность» лежит необходимость разграничения собственно языка и речи. С позиции данного подхода речевая личность представляется компонентом, входящим в состав более широкой сущности – языковой личности, а проблема речевого портретирования – частным направлением теории языковой личности. В связи с этим мы считаем создание речевого портрета основным способом описания языковой личности, не отражающим, однако, всю глубину этого многогранного феномена. Достижению данной цели может служить лишь применение комплексного подхода, включающего также детальный анализ невербальной организации речи индивида, в частности, его мимики и жестикуляции в процессе коммуникации.

В современных исследованиях приводится множество трактовок понятия

«речевой портрет» и выделяется несколько его форм. В широком смысле под речевым портретом понимается «воплощенная в речи языковая личность»¹. В связи с учетом особой значимости прагматической установки спикера-террориста при записи видеообращения, наиболее целесообразным видится определение речевого портрета как «набора речевых предпочтений говорящего в определенных обстоятельствах для актуализации каких-либо намерений и стратегий воздействия»² на реципиента.

Становление языковой личности рассматривается большинством лингвистов как процесс непрекращающегося развития. Природа понятия мыслится в его обусловленности факторами внешнего воздействия (лингвистическими и экстралингвистическими). Тем не менее, существуют случаи, когда находящая проявление в речевом поведении индивида языковая личность не является результатом естественного прогресса, а представляет собой искусственно созданный шаблонный образ.

Более углубленное рассмотрение обозначенной проблемы требует создания новой типологии языковых личностей и усовершенствования терминологического аппарата лингвоперсонологии – видится необходимым введение и разграничение понятий «естественная» и «искусственная» языковая личность. В составе искусственной языковой личности предлагается выделять «субординационную» и «суррогатную» языковые личности. Субординационная языковая личность является вспомогательной, поскольку служит индивиду в качестве инструмента достижения профессиональных (в большинстве случаев) или иных целей – обращение к подобному шаблонному языковому поведению осуществляется личностью осознанно, является безопасным для психики индивида и позволяет при необходимости вернуться к основной (естественной) языковой личности. Суррогатная языковая личность, напротив, замещает собой естественную языковую личность и оказывает деструктивное воздействие на сознание индивида. Суррогатная языковая личность в определенной мере является инструментом подавления воли, приводящим к полному подчинению сознания индивида идеологии, искусственно созданной злоумышленниками.

Спикеры Исламского государства являются носителями искусственной суррогатной языковой личности (поскольку ранее подверглись вербовке, обусловившей смену ценностных ориентиров и моральных принципов), следовательно, анализ текстов их обращений применим для реконструкции шаблонного образа, созданного лидерами террористической организации.

¹ Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 2006. – 19 с.

² Матвеева, Г. Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи / Г. Г. Матвеева. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. линг. ун-та, 1998.

Вторая глава исследования «Образ террориста Исламского государства в медиасреде» посвящена выявлению роли СМИ в формировании образа террориста в общественном сознании и рассмотрению Интернет-коммуникации как инструмента самопрезентации Исламского государства. В данной главе раскрывается сущность террористического дискурса, а также определяется его место в системе дискурсов.

Терроризм является составным элементом экстремизма. Соответственно, структурно террористический дискурс мыслится как подвид экстремистского дискурса, который, в свою очередь, выделяется в рамках политического дискурса.

Под террористическим дискурсом в работе определяется совокупность созданных террористами устных и / или письменных текстов и обуславливающих их специфику экстралингвистических аспектов (принадлежность индивида к социальной группе «террористы», общая прагматическая установка спикеров, мотивация террористической организации в целом и особенности функционирования искусственной суррогатной языковой личности).

Терроризм «базируется на существенной информационной составляющей и напрямую зависит от инструментария СМИ»³. Согласно Б. Хоффману, предназначение любого террористического акта заключается в передаче послания, что обуславливает возможность рассмотрения терроризма как особой формы политической коммуникации. При неверно организованной работе СМИ в ходе освещения террористической активности индивид может неосознанно стать объектом манипуляции, претерпеть переосмысление жизненных ценностей и подвергнуться полной смене идеологии, что является характеристикой внедрения в его сознание шаблонной модели – искусственной суррогатной языковой личности.

Террористический дискурс может включать в себя не только традиционные печатные формы. Выбор террористами онлайн-коммуникации как основной формы взаимодействия с широкой аудиторией обусловлен тем, что Интернет как канал связи позволяет преодолеть «управление восприятием» (Д. А. Журавлев, 2009). Видеообращение спикера Исламского государства рассматривается в работе как специфическая форма террористической коммуникации – радикальный персонотекст.

Идеологическая установка, лежащая в основе видеообращений спикеров Исламского государства, коррелирует с особенностями психологии террористов. Ригидность, характеризующая их поведение, также находит свое отражение в

³ Почепцов, Г. Г. Информационно-политические технологии / Г. Г. Почепцов. – М., 2003. – 381 с.

речевых произведениях анализируемого формата.

Третья глава исследования «Моделирование языковой личности террориста» посвящена созданию модели языковой личности террориста на основе ее речевого портретирования с учетом значимых экстралингвистических характеристик. В главе представлены результаты анализа специфики вербальной и невербальной организации речи спикера-террориста.

Экстралингвистические особенности исследуемого объекта обусловили выделение в ходе анализа лексического материала следующих тематических групп: «военная лексика», «религиозная лексика», «политическая лексика» и «насилие».

Обращение террориста характеризуется наличием значительного количества стилистических (лексических и синтаксических) приемов, позволяющих эффективно оказывать воздействие на сознание реципиента. В рамках террористического дискурса употребление средств языковой выразительности не только служит для создания яркого запоминающегося образа, но и позволяет спикеру оказывать манипулятивное воздействие на аудиторию. Наиболее часто употребляемым тропом в обращениях боевиков Исламского государства является метафора – важнейшее средство идеологической ориентированности. Можно привести следующие примеры из анализируемых текстов:

- “*the flames of war*” (в данном случае “the flames of war” (**пламя войны**) является метафорическим представлением военных действий на территориях, подконтрольных Исламскому государству; таким образом военный конфликт соотносится с пожаром);

- “*playing the role of the obedient lapdog*” («играющий роль послушной **болонки**»; употребление лексемы “lapdog” («болонка») выражает уничижительное отношение террористической организации к британскому правительству, которое представляется в образе покорной «комнатной собачки», «марионетки» властей США).

Также в текстах анализируемых видеообращений отмечается применение таких средств языковой выразительности как: гипербола, синекдоха и антитеза.

Гипербола:

- “*Whether it’s fifty nations or fifty thousand nations*” («будь то пятьдесят наций или **пятьдесят тысяч наций**»; значительно преувеличивая масштабы вооруженных сил террористической организации, спикер подчеркивает мнимую непобедимость Исламского государства).

Синекдоха:

- “*This knife will not only slaughter Kenji, but will also carry on and cause carnage wherever your people are found*” («**Этот нож** не только прирежет Кэндзи,

но и продолжит устраивать резню везде, где бы ни были ваши люди». Нож в данном случае не является лишь номинацией оружия в руках террориста – это символическое обозначение всей армии Исламского государства).

Антитеза (основными противопоставляемыми понятиями в видеообращениях являются местоимение “you” и притяжательное прилагательное “your”, обозначающие военные силы антиигиловской коалиции, и местоимение “we” и притяжательное прилагательное “our”, обозначающие собственные силы террористов):

- “***You** have started your aerial bombardment in Sham which keeps on striking **our** people, so it is only right **we** keep on striking the necks of **your** people*” («**Вы** начали в Шаме бомбардировку, которая продолжает губить **наших** людей, поэтому у **нас** есть полное право продолжать резать шеи **ваших** людей»).

Стилистические средства в рамках террористического дискурса являются инструментом суггестии. Успешность выполнения спикером коммуникативной задачи напрямую зависит от подбора языковых средств. Таким образом, специфика дискурса находит свое отражение в использовании конкретных лексических единиц. Данное положение обуславливает необходимость рассмотрения случаев перифраза и лексического повтора в текстах обращений.

Перифраз:

- “...*the first American **Crusader** in Dabiq*” («первый американский **крестоносец** [Питер Эдвард Кассиг, казненный солдат американской армии] в Дабике»);

- “***The dog of Rome*** [Барак Обама]” («**Римский пёс**». Называя политика таким образом, спикер добавляет в высказывание религиозный подтекст: Рим представляется как центр «чужой» враждебной веры, а Барак Обама характеризуется, таким образом, как прислужник католической церкви).

Лексический повтор:

- “...*you claim to have **withdrawn** from Iraq four years ago. We said to you then that you were liars, that you had not **withdrawn**, and if you had **withdrawn**, that **you would return**, even if after some time. **You would return**. Here you are. You have not **withdrawn**. Rather, you hid some of your forces behind your proxies and **withdrawn** the rest*” («... ты заявляешь, что **вывел войска** из Ирака четыре года назад. Мы сказали тебе тогда, что ты лжец, что ты не **вывел войска**, а если и **вывел**, то все равно **вернешься**, хоть и спустя какое-то время. **Ты вернешься**. И вот ты здесь. Ты не **вывел войска**. Скорее, ты спрятал часть войск за своими посредниками и **вывел** остальных»).

С точки зрения синтаксической организации обращение террориста является специфичным – использование сложных предложений с развернутой структурой (иногда с применением инверсии) говорит о заблаговременной

проработке текста каждого сообщения. Так, будучи заранее подготовленным, текст спикера в большинстве случаев включает в себя ряд развернутых предложений, изобилующих сложными оборотами (в силу детальности описания, подобная структура высказывания позволяет террористу звучать более убедительно):

- *“Ironically, he has spent a decade of his life serving under the same Royal Air Force responsible for delivering those arms”* («По иронии, он десять лет служил в тех самых Королевских военно-воздушных силах, что виновны в поставке того оружия»);

- *“Your evil alliance with America, which continues to strike the Muslims of Iraq and most recently bombed the Haditha Dam, will only accelerate your destruction...”* («Ваш зловещий союз с Америкой, продолжающей убивать мусульман в Ираке, и совсем недавно бомбившей плотину Хадиса, лишь приблизит момент вашего уничтожения...»).

Параллелизм в речи террориста используется преимущественно для того, чтобы продемонстрировать последствия, которые влекут за собой действия, предпринимаемые вооруженными силами антииГИЛОВСКОЙ коалиции:

- *“So just as your missiles continue to strike our people, our knife will continue to strike the necks of your people”* («Поэтому, так же, как ваши ракеты продолжают бить наших людей, наш нож продолжит резать шеи ваших людей»).

Анафорический повтор также является довольно распространенным приемом в анализируемых обращениях:

- *“This is the end of every Musaidi Kaffar that we get a hold of. This is the end that they face”* («Это – конец любому кафиру из Мусаиди, до которого мы доберемся. Это – конец, который их ждет»).

В текстах видеообращений встречается и иной тип повтора – анадиплосис:

- *“You can see them now digging their own graves in the very place where they were stationed. The very place where they were stationed...”* («Сейчас вы видите, как они роют себе могилы, в том самом месте, где они [солдаты] были дислоцированы. В том самом месте, где они были дислоцированы...»).

Выявленное в рамках исследования использование террористом инверсии служит для того, чтобы придать высказыванию особый пафос:

- *“**This message I deliver to you, the people of America**”* («**Это послание я адресую вам, жители Америки**»).

В ходе анализа отмечаются и краткие предложения. Так, террорист периодически привлекает аудиторию к размышлению, задавая риторические вопросы:

- *“Is it not apparent to you? How are, how are these victories possible?”* («Разве это не очевидно? Как, как эти победы возможны?»).

Фонетическая оформленность речи спикера-террориста не ограничивается особенным интонированием. В ходе изучения материала исследования с позиции консонантизма были обнаружены некоторые отклонения от существующей нормы (*например, нехарактерное для английского языка раскатистое произношение заальвеолярного [r] в любой позиции*), однако это обусловлено в большей мере индивидуальным фактором – происхождением говорящего, в связи с чем не несет интереса в рамках проводимого исследования, предполагающего формирование коллективного речевого портрета террориста. Тем не менее, принимаются во внимание особенности вокализма спикеров, обусловленные необходимостью передачи большого объема информации за краткий отрезок времени (*преимущественно высокий темп речи провоцирует появление редукции, большая часть дифтонгов монофтонгируется, наблюдаются случаи элизии нейтральных гласных*), так как они находят проявление во всех 13 анализируемых видеообращениях.

Невзирая на то, что для некоторых спикеров английский язык не является родным, с точки зрения морфологии их речь организована преимущественно в соответствии с языковой нормой. Лишь в одном видеообращении было отмечено употребление спикером неверной грамматической формы в высказывании: “has already **tell**” вместо “has already **told**”. Данный пример иллюстрирует ошибку, а не оговорку, поскольку отличается систематическим характером – проговаривается дважды. В остальных случаях изложение спикера является грамотным (редко присутствует опущение вспомогательных глаголов, обусловленное скоростью речи). Это подтверждает суждение о том, что текст выступления спикера является заранее спланированным (предположительно лидерами террористической организации) и подготовленным.

Формат исследуемого материала делает невозможным изучение невербального сопровождения речи террориста с точки зрения хронемике и сенсорики, поэтому в данной работе анализу подвергаются исключительно проксемические и кинесические особенности.

Для видеообращений Исламского государства характерно расположение участников коммуникативного акта «лицом к лицу»; ориентация, выражаемая в повороте тела и головы в направлении адресата, сигнализирует о прямой направленности презентуемого сообщения. Занимая подобное положение, спикер обозначает свою позицию и демонстрирует решимость отстаивать ее. В совокупности с другими компонентами невербального поведения спикера положение напротив предполагаемого реципиента свидетельствует и об агрессивном настрое, террорист бросает аудитории вызов.

Расстояние от выступающего до камеры составляет в большинстве случаев, ориентировочно, 2–3 метра. В ряде случаев террорист находится на

довольно близком расстоянии от камеры (дистанция в 15–45 см). Тактика вторжения в «интимную зону» реципиента помогает террористу выполнить прагматическую установку – оказать психическое давление на аудиторию, заставить ее испытывать страх и тревогу.

В рамках видеообращения периодически происходит смена фокуса камеры с целью демонстрации лица террориста или пленника крупным планом. Более того, камера (иногда вторая) применяется также для того, чтобы показать окружение террориста и / или его соратников или обломки боевой техники противника. Таким образом, в ходе записи обращения террористы прибегают к использованию технических средств для того, чтобы подкрепить свои высказывания объективными доказательствами и подчеркнуть серьезность своих намерений.

С целью обеспечения личной безопасности члены Исламского государства часто надевают черные маски (9 случаев из 13), намеренно лишая аудиторию возможности видеть свое лицо, что делает затруднительным или вовсе невозможным отслеживание изменений мимики в процессе анализа выступления.

Превалирующей эмоцией в ходе выступления террориста является гнев. В некоторых фрагментах анализируемых видеозаписей посредством мимики говорящим выражается эмоция отвращения. Примечательно, что в большинстве случаев подобная мимика сопровождает осуждение террористом иной религиозной идеологии. Примечательно стремление террориста оскорбить, унижить адресата, а также наличие высокой степени его раздражительности, что также находит отражение как в мимике спикера (мышцы лица предельно напрягаются), так и в особенностях презентации вербального сообщения (темп речи становится неравномерным, повышается тембр голоса).

Усиливает производимый эффект и активная жестикуляция говорящего. В ходе исследования было выявлено, что среди жестов, сопровождающих выступление террориста, встречаются преимущественно коммуникативные (а именно – жесты привлечения внимания, отрицательные, вопросительные) и модальные, выражающие оценку и отношение (в большей степени жесты неудовлетворения). В большинстве случаев жестикуляция осуществляется одной рукой (левой, поскольку в правой руке террорист часто держит оружие).

Результаты анализа проксемических и кинесических особенностей поведения террориста подтверждают значимость невербального аспекта коммуникативной деятельности в реализации прагматической интенции спикера, заключающейся преимущественно в осуществлении функции устрашения целевой аудитории и оказании манипулятивного воздействия на психику реципиента.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования. Языковая личность террориста характеризуется наличием черт, отличающих ее от иных типов языковых личностей. При моделировании языковой личности спикера террористической организации необходимо учитывать, что лишь анализ совокупности ее вербальных и невербальных проявлений позволяет наиболее полно отразить специфику данного феномена.

Представленная в работе типология языковых личностей имеет следующую структуру. Любая языковая личность относится к одному из двух типов – «естественной» или «искусственной» языковой личности. Естественная языковая личность понимается как языковая личность, развитие и становление которой происходит естественным путем. Искусственная языковая личность противопоставляется первому указанному типу и определяется как продукт целенаправленного моделирования.

В структуре искусственной языковой личности, в свою очередь, выделяются следующие подтипы: субординационная и суррогатная языковые личности. Субординационная языковая личность, переход к которой осуществляется индивидом осознанно, способствует достижению им определенных целей (в частности, профессиональных). Намеренное обращение к субординационной языковой личности обуславливает возможность безопасного возвращения индивида к его естественной языковой личности. В то же время переход от суррогатной языковой личности к естественной практически невозможен без профессиональной помощи, поскольку подобное искусственно созданное злоумышленниками шаблонное образование внедряется в сознание индивида посредством манипулятивного воздействия и предполагает подавление его воли с целью подчинения радикальной деструктивной идеологии.

Проведенный в ходе исследования анализ позволяет заключить, что спикеры Исламского государства являются носителями искусственной суррогатной языковой личности, поскольку подвергаются вербовке со стороны других членов террористической организации, обуславливающей смену естественно приобретенных ценностных ориентиров и моральных принципов.

Создание модели языковой личности спикера-террориста предполагает анализ радикальных персонотекстов, а именно – зафиксированных (на видео) произведений террористического дискурса, определяемого как массив созданных террористами устных и / или письменных текстов и обуславливающих их специфику экстралингвистических аспектов. Модель языковой личности террориста включает в себя два уровневых компонента: вербальный и невербальный.

Анализ вербальной составляющей видеообращений спикеров Исламского

государства позволяет отметить ряд особенностей. Лексическая оформленность речи террориста характеризуется использованием лексики, принадлежащей к определенным тематическим группам, обусловленным религиозной приверженностью и политическими взглядами адресанта сообщения, фактом его участия в боевых действиях, а также намерением устроить реципиента с целью манипулирования его сознанием. Использование средств выразительности, отмеченных при работе с отобранным материалом, характерно также для других дискурсов. Тем не менее, их выбор в рамках террористического дискурса специфичен и обусловлен прагматической установкой спикеров и их коммуникативной интенцией в каждом видеообращении.

Обращения спикеров Исламского государства являются заранее подготовленными и несут открытый пропагандистский характер, что обуславливает практически полное отсутствие слов-паразитов. Речь террориста является экспрессивно окрашенной, а используемая лексика имеет преимущественно отрицательную коннотацию, поскольку обращения имеют враждебный характер по отношению к предполагаемому адресату.

Анализ фонетической и интонационной оформленности речи спикера Исламского государства позволяет заключить, что мелодика в устной речи террориста является ключевым инструментом акцентирования внимания на определенной мысли. Повышение тона голоса подчеркивает значимость конкретной части речевого сообщения и усиливает эффект, производимый на целевую аудиторию. Начало текста видеообращения характеризуется чередованием мелодических подъемов и спадов, величина интервалов которых обусловлена спецификой контекста. Темп речи неоднороден, а ее скорость варьируется от средней до сверхбыстрой. Паузация в звучащей речи террориста специфична – паузы не всегда семантически и синтаксически предсказуемы.

Поскольку произношение индивида во многом обусловлено его происхождением, попытка обобщить особенности консонантизма, отмеченные в ходе анализа фонетической составляющей высказывания, была сочтена нецелесообразной в рамках проводимого исследования. Однако при анализе учитывались типовые особенности вокализма, реализованные во всех выступлениях спикеров и опосредованные экстралингвистическими факторами, – в частности, необходимостью передать значительный объем информации за сжатый временной отрезок.

Несмотря на то, что для некоторых спикеров английский язык не является родным, с точки зрения морфологии их речь соответствует норме, что подтверждает гипотезу о том, что речь террориста Исламского государства является заранее спланированной.

Отмечается семиотическая природа террористического дискурса,

закрывающаяся в применении различных ресурсов Интернет-коммуникации.

Невербальное сопровождение речи спикера-террориста также специфично. Для видеообращений террористов Исламского государства характерно расположение перед камерой, создающее у реципиента ощущение коммуникации «лицом к лицу». Часто смена фокуса камеры приближает изображение террориста, вследствие чего в кадр попадает лишь верхняя часть его корпуса, что в условиях реального общения соответствует дистанции вторжения в «интимную зону» индивида и помогает террористу оказать психическое давление на аудиторию, заставить ее испытывать страх и тревогу.

Основной эмоцией в ходе видеообращения террориста является гнев; также посредством мимики говорящим выражается эмоция отвращения, обусловленная желанием оскорбить и унижить адресата. Высокая степень раздражительности находит отражение как в мимике спикера, так и в особенностях презентации вербального сообщения.

Особую значимость имеет жестикуляция спикера. Среди жестов, сопровождающих выступление террориста, встречаются преимущественно коммуникативные и модальные.

Компоненты вербального и невербального поведения террориста в совокупности свидетельствуют о его агрессивном настроении и желании оказать деструктивное влияние на сознание реципиента.

Все вышеперечисленное позволяет сделать следующий вывод: речь спикера обладает рядом черт (характерных исключительно для членов данной социальной группы), которые могут служить основанием для моделирования языковой личности террориста. Таким образом, цель исследования является достигнутой, а общая гипотеза – доказанной.

Результаты, полученные в ходе исследования, не носят абсолютного характера. Перспективным видится изучение спонтанной (неподготовленной речи) спикера-террориста, а также проведение сопоставительного анализа с привлечением материала на других языках.

Основное содержание диссертационной работы отражено в 8 публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях (журналах), рекомендованных Перечнем ВАК Минобрнауки России:

1. Мона, Е. А. Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видеообращениях ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации) / Е. А. Мона, А. Г. Фомин // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67) – С. 98–104.

2. Мона, Е. А. Стратегии и тактики речевого манипулирования в видеообращениях Исламского государства / Е. А. Мона, А. Г. Фомин // Мир

лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019. – № 3. – С. 142–154. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

3. Mona, E. A. Kinesic Components of Terrorist Nonverbal Behavior / E. A. Mona, A. G. Fomin // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2017. – № 3. – P. 325–329.

4. Mona, E. A. Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages) / E. A. Mona, A. G. Fomin // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – № 23 (3). – P. 698–713. – doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-698-713

Публикации в иных изданиях:

5. Мона, Е. А. Речевой портрет террориста: фонетические особенности / Е. А. Мона // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей – материалы IX (XLI) Международной научно-практической конференции / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2015. – С. 1471–1475.

6. Мона, Е. А. Проксемические особенности невербального поведения террориста / Е. А. Мона // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей – материалы XI (XLIII) Международной научно-практической конференции / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2016. – С. 1498–1500.

7. Мона, Е. А. Синтаксические особенности организации звучащей речи террориста / Е. А. Мона, А. Г. Фомин // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1-3 дек. 2016 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – С. 144–146.

8. Мона, Е. А. Речь заложника как косвенный способ выражения коммуникативной интенции спикера-террориста / Е. А. Мона, А. Г. Фомин // Сборник статей XIX международной конференции «Россия и Запад: диалог культур». – 2017. – №19 (II). – С. 133–140.